

Родился (1941) в д. Большой Чекмак Муслюмовского района Татарстана. В родной деревне окончил семилетку, в соседнем Шугане – среднюю школу. Работал в колхозе, затем – в районных газетах. «Без отрыва от производства» окончил отделение татарской филологии Казанского университета. Учился в Москве на Высших театральных курсах. Фоат Садриев – автор двух десятков пьес, а также романов, повестей, рассказов. Лауреат Государственной премии РТ им. Г. Тукая, Народный писатель Татарстана... Живёт и работает в родном Муслюмовском районе

рассказ

Фоат Садриев

Спасибо, папа!

ЧЕЛОВЕК! Я обращаюсь к тебе. Хотел сказать: «Дорогой человек», но раздумал. Наверное, прочитав мою исповедь, ты скажешь: «Какой я тебе, презренному, «дорогой». Потому и обращаюсь просто.

Человек! Пишу, чтобы ты не смог повторить того, что совершил я.

С чего начать?

В молодости я писал стихи, рассказы. С тех пор прошло много лет. Теперь мне не до выведения красивых фраз, и как бы я ни преподнёс тебе, мой читатель, свою исповедь, думаю, ты всё и так поймёшь.

То был замечательный весенний день...

Выйдя из больницы, мы, будто сговорившись, замерли на пороге. Сын судорожно вдыхал свежий воздух, смо-

трел на зазеленевшие деревья, взглядывал на весеннее солнце... Побледневшее лицо его отдавало желтизной, волосики на тоненькой шее ерошились на лёгком ветру.

Да, был замечательный весенний день...

Моя радость и утешение, мой сын Сагадат тенью стоял на ступенях диспансера. И это трудно было осознать. В моей любви к нему всегда была какая-то тайна, какой-то скрытый смысл. Тогда, когда мы с женой с нетерпением ожидали рождения нашего первенца (я очень хотел, чтобы это был сын), родилась дочь. Её я страсть как полюбил. Но, к нашему великому несчастью, она в неполных два годика умерла от воспаления лёгких. Не передать было словами наше горе.

Но вот родился Сагадат. Сначала, однако, я как-то не очень обрадовался этому событию. Наверное, оттого, что моё сердце всё ещё не отошло от потери дочери. Только тогда, когда мой сынишка сделал первые шаги и начал по-своему забавно лепетать, я осознал своё счастье. Позабыв обо всём на свете, я спешил с работы домой, чтобы поскорее увидеть его, поиграть с ним. Для меня уже никого не существовало на свете, кроме моего сына Сагадата. И даже рождение второго сына Рустама не отвлекло меня от привязанности к старшенькому. Я целовал его глазки, щёчки, пяточки, а он в ответ смешно пинался, дергал за волосы... Жена с трудом отрывала меня от сына: «Отойди, дурень, совсем ребёнка замучил».

Для него в нашем саду я построил из сосновых брёвен домик. А когда обставил его мебелью, провёл освещение, повесил занавески на окна, он стал похож на настоящее жилище. А на стенах его мы разместили картинки с изображением сказочных Шурале, русалок, зверюшек... Этот дом стал любимым местом не только для Сагадата, но и для меня. Всю свою работу – отчёты, различную писанину, я всегда выполнял здесь. Вот и сегодня с надеждой, что никто не потревожит, сижу тут.

...Отойдя от больницы, Сагадат неожиданно покачнулся. Я прижал к себе его худенькое тело. Он сильно вытянулся, макушка сына оказалась прямо перед моими глазами.

– Сынок, может, передохнём?

– Нет-нет, поскорее домой поедем, – запротестовал он.

Несмотря на солнечный день, было прохладно.

– Надень пальто, замёрзнешь, – потянулся я к сумке с одеждой.

– Не-е, не холодно... – Он обнял себя руками крест-накрест. – Соскучился по своей куртке...

Я привёз ему эту его куртку вместе с пальто. Когда там, в больнице, Сагадат переодевался, то прижался к ней лицом, вдыхая её запах. А потом протя-

нул её мне: «Папа, чувствуешь, школой пахнет!» Я согласился: «Да, и в самом деле...»

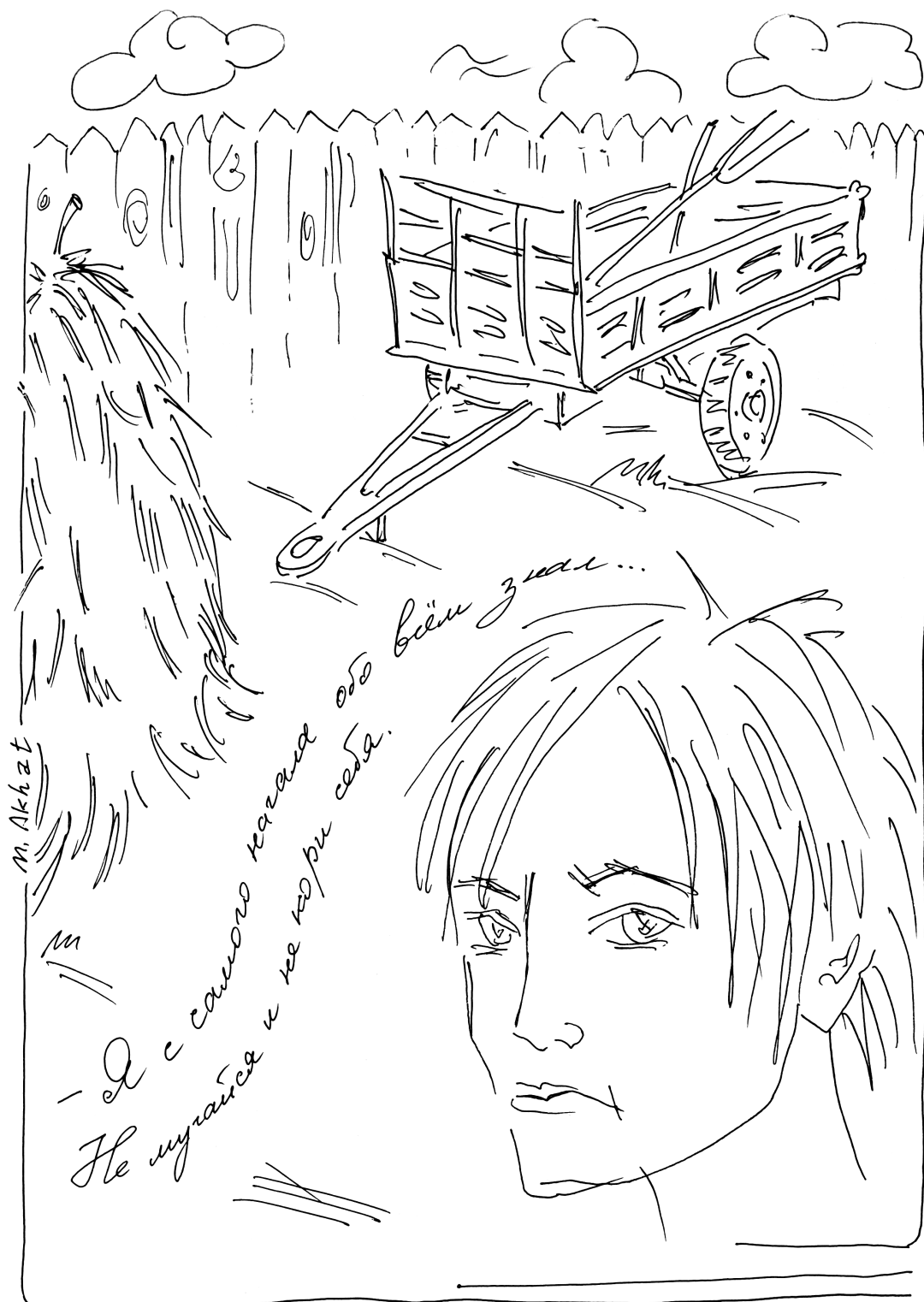
До аэропорта мы добрались на такси. В самолёте сын без особого интереса полистал купленные мною в дорогу книги и положил их перед собой на колени. Я пытался отвлечь сына видом зеленеющих лесов в иллюминаторе, весенним половодьем... Но его ничего не интересовало. Неужели всё знает? Профессор в своём кабинете сказал мне: «Никакой надежды, ему осталось жить от силы две-три недели, заберите его домой». В палате Сагадат обнял меня. Сын весь был, как пушинка. Он не заплакал, хотя мои глаза были на мокром месте. Профессор сказал ему: «Нужно немного отдохнуть от лекарств, ты должен поехать домой, а потом мы пригласим тебя и продолжим лечение». Прощаясь, Сагадат с благодарностью пожал профессору руку. Уходя, я обернулся: вмиг постаревший он стоял с низко опущенной головой...

– Сынок, будем дома, через пять-шесть минут самолёт приземлится.

Сагадат прильнул к иллюминатору и часто-часто задышал. Выйдя из самолёта, он крепко взял меня за руку.

Домой мы прибыли автобусом. Сын долго стоял на пригорке и задумчиво смотрел на раскинувшееся внизу село. Мы направились к дому. Деревья красовались в зеленоватой дымке распустившихся клейких листьев, у дороги молодую траву уже пощипывали гусята. Навстречу высыпала ватага возвращавшихся из школы девчонок и мальчишек. Они шумно приветствовали нас и наперебой начали рассказывать о школьных новостях.

Тяжело описывать нашу встречу дома. Мама со слезами на глазах обняла его, что-то лихорадочно говорила, быстро-быстро целовала. Я тоже не мог сдерживать слёз... А когда из садика вернулся Рустам, мы ещё раз пережили тяжёлые мгновения этой встречи. Младшенький бросился в объятия брата, обнял его и ни за что не хотел отпускать. Не помогли ни уговоры, ни увещевания,

весь вечер он не отходил от брата, показывал ему свои игрушки, поделки, картинки, которые сам нарисовал, читал наизусть стихи. Марзия готовила на стол, а сама всё это время взглядом просила меня выйти поговорить. Я понимал её. Но разве мог сказать ей правду?! Оттягивая этот трудный разговор, прикинувшись непонимающим, сидел возле детей. В конце концов, жена не выдержала и открыто позвала меня в сени. Я обречённо поплёлся за ней.

— Ну, что сказали?! — посмотрела она на меня в слезах.

Ах, этот полный надежды и тревоги взгляд! Пожалуйста, только обнадёжь, скажи только добрую весть, умолял он.

— Отправили отдохнуть, — сказал я, пряча взгляд.

— А что сказали врачи, поправится?

— Должен поправиться, — выдохнул я. — Но, если будешь всё время ходить вот так, с заплаканными глазами, ему станет только хуже. Ты хоть это понимаешь?

— Я всё понимаю, но ничего с собой не могу поделать?!

Зная, что Марзия всё равно не успокоится, и не помогут мои увещевания, я зашёл в дом. Через полчаса жена накрыла стол. Почти совсем переставший есть в диспансере Сагадат попробовал огурцов и капусты, чуть-чуть поел суп, надкусил эчпочмак. Рустам же, неугомонно болтая с братом, наворачивал за обе щёки.

После обеда Сагадат прилёг отдохнуть. Мама постелила ему постель, где он проспал до шести вечера. За это время я успел сходить в медпункт и показать там все предписания врача.

Он проснулся от боли. Начал стонать, но увидев, что мы рядом, утих. Было видно, с каким трудом ему это даётся: на лбу выступил холодный пот, дыхание участилось... Жалея нас, он не стонал, не плакал, не кричал, хотя, может, и стало бы тогда легче. И только после обезболивающего укола, который сделала ему прибежавшая из медпункта медсестра, он успокоился и задыхался глубоко и ровно, а через некоторое

время вдруг сказал, что хочет увидеть сад.

Вчетвером мы вышли в наш цветущий сад. Всё вокруг — и весенний вечер, и розовый закат, и яблони с набухающими и вот-вот готовыми раскрыться почками, и садящееся солнце — всё бередило наши души. О Всевышний! Почему эта красота, которую ты даришь нам, пробуждает в нас чувство горечи и печали? Где остались те дни, когда это время года пробуждало в нас восторг, любовь и красивые порывы?

Мы примостились рядом с Сагадатом. Рустам бегал меж деревьев, приглашая брата поиграть с ним в мяч. Я краешком глаза наблюдал за Сагадатом. Его лицо посерело, приобрело цвет, которого, казалось, нет в природе. Стараясь не показывать своего волнения и слёз, я поспешил из сада и даже нашёл причину: «Схожу, узнаю, как дела у дяди».

Но, как назло, по дороге встречались односельчане, то один, то другой. Все спрашивали о здоровье моего сына, желали ему скорейшего выздоровления. Только вот мне никого, даже себя, не хотелось ни видеть, ни слышать. От безысходности я свернул в переулок и пошёл околицей. Здесь, оглашая округу карканьем, вили на тополях свои гнёзда вороны, пощипывал травку скот. Вот и солнышко скрылось в расщелине между горой и растущим на пригорке лесом.

В эти минуты не было на свете человека несчастнее меня. Наступило время испить до дна горестную чашу. Я готов был перегрызть горло тому, кто покусился бы на жизнь моего Сагадата. Но, как ни странно, этим человек был я сам. Умом не постичь, но это правда, от которой никуда не деться.

Я опустился на траву. Земля по весне ещё не прогрелась и была холодной. Но меня это не тревожило.

О Боже! До сих пор я не верил в тебя. А теперь верую. Спаси моего сына, возьми за него мою душу, пусть моё тело горит в аду! На всё согласен ради моего безгрешного ребёнка. Он ведь только начинает жить, он дол-

жен познать все радости бытия, должен оставить на земле детей, внуков. Но ведь получается, что это я их убил. Сидя на холодной земле, глядя, как надвигаются на деревню сумерки, я думал о своём страшном деянии...

С Марзией мы хоть и не скандалили на всю округу, но в нашей семье не всё было спокойно. До сегодняшнего дня я думал, что вся причина разногласий в плохом характере жены, в её слишком длинном языке. Меня бесило то, что обо всех моих недостатках она говорила мне прямо в лицо. Не хочу хвастать, однако таких, как я, тружеников, вкладывающихся на полную катушку, в хозяйствах сегодня можно на пальцах пересчитать. В двадцать три года, когда меня назначили бригадиром, я пахал, не считаясь с выходными, не боясь никаких трудностей. Что для меня было важнее – работа или семья, трудно сказать, это было единым целым. Я и сегодня не представляю себе жизни без ежедневной ранней суеты на работе, решения каких-либо проблем. И если кого-то обижал, высказываясь в глаза, всегда считал, что это во благо общего дела. Всю жизнь ненавидел бездельников, карьеристов, расчётливых лгунов. И, наверное, оттого, что все свои знания, все силы до последней капли отдавал работе, никому не позволял говорить о себе плохо. А когда слышал о себе что-то уничижительное, надолго выбивался из колеи. Работа стала для меня глубоко личным делом. И это, наверное, было единственно положительным во мне.

Но жена этого не понимала или не хотела понимать. Она обвиняла меня в том, что я не помогаю ей в домашних делах, что невнимателен к ней. Говорила она и о моём порой грубом отношении к односельчанам. Её слова глубоко ранили мою душу. Это раздражало. Возвращаясь домой, я строил планы, как бы и мне поддеть её. И это желание с каждым днём росло. Я совсем перестал помогать ей в работе по дому. В течение многих лет нашей совместной жизни на её хрупкие плечи легло всё наше

хозяйство. Помимо тяжёлой работы в колхозе, она выращивала в нашем саду овощи, сажала картошку, собирала в саду ягоды-фрукты, делала заготовки... Я поздно понял, насколько была права Марзия в своих высказываниях в мой адрес.

С рождением сына Сагадата в нашей семье на какое-то время воцарилось взаимопонимание. Ребёнок стал смыслом моего существования, открыл новые стороны жизни, вобрал в себя всё моё существо. Я любил его неистово, и, когда сын болел, обвинял в этом только жену. Страшился, что с сыном что-то произойдёт. Что-то непоправимое. Я боялся даже подумать об этом.

Сагадат и поведением, и голосом, и смехом, и походкой был похож на меня. А слова соседей, что родила его не Марзия, а я, переполняли меня гордостью. Лет в пять-шесть по весне на его лице, на носу появились первые веснушки. Такие же, как у меня в детстве. Я стал называть моего Сагадата Соловушкой Пёстрым. С моей лёгкой руки так часто называла его и жена. Для меня стало истинным наслаждением угождать сыну, исполнять любое его желание.

Но Сагадат рос умным мальчиком, не требовал лишнего. Обычно такие дети (мы ведь безудержно баловали его и знали об этом) растут неприспособленными к жизни, ленивыми и капризными. Только Сагадат не стал таким. И от этого я привязывался к нему ещё больше.

Он с желанием и с большой готовностью исполнял всё, что я скажу. Мы с ним понимали друг друга с полуслова, полувзгляда. Но вот годам к восьми-девяти Сагадат начал меняться. Уже без особой охоты он исполнял мои поручения, больше был рядом с мамой, с которой они о чём-то постоянно говорили, секретничали, спорили, смеялись... Я страшно сердился на Марзию. Ведь она отняла у меня сына, разорвала нашу единую с Сагадатом душу надвое. Она тем временем стала ещё больше задевать и попрекать меня. А слышать всё это в присутствии сына для меня было

смерти подобно. Однако сын иногда не подчинялся и ей. В такие моменты мать с укором говаривала сыну: «Истинный папаша». И всё-таки я не охладел к сыну, в душе я понимал, что вины его нет. Вина была в Марзии. И если бы не её повадки, то и к Фариде я захаживал бы не так часто.

Фарида... Ветреная Фарида... И такая ли уж она ветреная? Нет, не только Марзия виновата была в наших семейных отношениях, да и во многом другом. В то время во мне что-то перевернулось. Если до этого смыслом моей жизни был Сагадат, то тогда и он отошёл в сторону. Всё как-то разом во мне и вокруг меня изменилось.

Я с четырнадцати лет работал в колхозе. И тогда, когда все сомневались и не верили в лучшую жизнь, я продолжал верить, хотя ничего хорошего в моей жизни и не происходило. Улучшений не было, но я всё равно призывал своих односельчан верить и ждать. Ведь посаженное тобой рано или поздно должно дать всходы. Но время шло, и внезапно я почувствовал себя одиноким танцором в замкнутом кругу. Те, кто был со мной, потихоньку вышли из круга, музыка давно перестала звучать, я пытался кого-либо окликнуть, ответом была тишина. Вот тогда я понял всю бесполезность своего бытия. Но всё же я по инерции продолжал бороться с теми, кто плохо работал, кто воровал, пьянствовал. Но только теперь осознал: ведь они все знали, что ничего хорошего в жизни не будет, чувствовали, что впереди безысходность, видели и понимали, что творят сидящие там, наверху, как распадается страна. А разве я всего этого не понимал? Не знаю. Может, и понимал. А тогда зачем утверждал обратное? Но ведь так невозможно жить. Для народа, кроме грязной воды и воздуха, ничего не осталось. И куда ни пойдёшь, везде безысходность, как жить, на что надеяться?!

Раньше я был равнодушен к выпивке. А тут и сам не заметил, как начал прикладываться. Но странным образом это не мешало работе. Да и руководство

хозяйства не придавало особого значения моему пристрастию. Оттого, наверное, что таких добросовестных работников, как я, было наперечёт. А вот тех, кто находился на работе только для вида, хоть выноси было. Для меня же работа была необходима, как воздух, как пища, как вода.

В тот день, изрядно выпив, я вернулся домой поздно. Увидев моё пунцовое лицо, жена и сын с улыбкой переглянулись.

— Чего лыбитесь? — резко спросил я.

— Снова малины наелся... — промолвила Марзия.

— Не твоё дело...

Я сел в кресло перед телевизором. Марзия и Сагадат отчего-то громко рассмеялись, казалось, они снова смеются надо мной. Сагадат что-то шепнул матери. Они опять рассмеялись.

— Иди поешь, я суп разогрела, — сказала Марзия.

Надо заметить, я очень люблю наваристый бульон с лапшой, но этот суп был рисовый. Я гневно взглянул на жену.

— Мука закончилась. Я две недели назад говорила тебе об этом, — сказала она, оправдываясь. — Уже брала займы у соседки, а снова просить неудобно. Сегодня встретила свёкра, он обижается, говорит, что ты совсем забыл их, не заходишь. Муки принести — это для тебя большие хлопоты, понятно, а вот родителей своих навестить тоже трудно? Это же твои родные люди...

— Давай... вали всё в одну кучу. Что ещё добавишь? — неприязненно посмотрел я на жену. — Привезти соломы, наколоть дров, отремонтировать насос?..

— Да уж, — парировала жена, переводя взгляд на сына. — Вот если в колхозе кто-то не выйдет на работу или не выполнит твоего поручения, ты ой как хорошо отчитываешь его...

— А ты постоянно пилишь меня, играя на моих нервах и доставляя себе удовольствие...

— Да только без толку. Результатов никаких.

Мы снова встретились глазами.

В них я увидел открытую издёвку. В этот момент я очень хотел, чтобы она отвела свой взгляд, перестала унижать меня перед сыном. Только этого не произошло. Никогда прежде моя жена не смотрела на меня так вызывающе. Должно быть, поняла, что Сагадат на её стороне. Вот тогда всё и случилось. Я выбежал на улицу. Что-то удержало от намерения пойти к родителям. Ноги сами понесли меня на другой конец села. Душа горела от ненависти и обиды. Хотелось выпить. Ведь и дома были успокоительные граммы... До того ли, однако, было, когда Сагадат с женой внимательно наблюдали за тобой. Наверное, в такое время всеми твоими чувствами владеет дьявол. Вот тогда-то судьба и свела меня с Фаридой, которая, накинув лёгкое пальто, шла по переулку.

– Здравствуй, Камиль-абый, – заговорила она. – Куда так поздно?

В темноте я рассмотрел её белоснежную улыбку и, сам не понимая почему, тоже улыбнулся в ответ.

– Вот уж никак не думал, что встречу тебя, – ответил я.

– Встретил, ну и что? – засмеялась Фарида.

– Может, в гости пригласишь?

– Ой, Камиль-абый, ну как же я могу отказать такому человеку! Милости просим!

Я пошёл за ней. Фарида жила одна. Счастье не улыбнулось ей, хотя была и красивой, и ладной. Когда-то ещё совсем юной она сбежала в город и долгие годы не подавала родителям о себе вестей, а когда вернулась обратно, то крутила со всеми мужиками подряд. Вот с тех пор к ней и прилепилось прозвище «Ветреная». Но потом она образумилась, перестала заигрывать с мужчинами и про неё перестали сплетничать. Однако и после, бывало, по деревне ползли слухи, дескать, кто-то видел, как она вела какого-то мужчину домой; у неё дома, мол, переночевал какой-то приезжий из района.

Надо сказать, к Фариде сватались и деревенские, и приезжие, только она отказывала всем. Мне нередко прихо-

дилось обращаться к ней, работнице школьной столовой, с просьбой выйти на работу вместо заболевшей доярки, ведь у бригадира доля такая – искать замену дояркам среди уборщиц, пенсионеров и даже среди бухгалтеров, библиотекарей, медсестёр. И я всегда поражался чистоте и порядку в её доме, аккуратным занавескам на окнах, белоснежным покрывалам на постели.

Не прошло и пяти минут, как Фарида накрыла стол, протянула мне рушник, поставила на стол запотевшую бутылку водки, а сама всё это время светила лучезарной улыбкой. Мы выпили по одной рюмочке водки. Её удивительно пронизательные чёрные глаза, казалось, заглядывали прямо мне в душу.

– Фарида, ты всерьёз сказала «такому человеку», или пошутила? – Я вопросительно посмотрел на неё.

– Конечно, Камиль-абый! – Её лицо посерьёзнело. – Мужчина должен быть сильным. Терпеть не могу слабаков! А ты никогда не жалуешься и всегда говоришь правду в глаза.

– А ты психолог, Фарида, – с дрожью в голосе произнёс я.

Она рассмеялась. Мы выпили ещё по одной.

– Если я задам тебе вопрос, не обидишься?

Она по-детски улыбнулась:

– Нет.

– Тебе ведь трудно одной. Почему не выйдешь замуж?

– Почему трудно?

– Вся мужская работа по дому на тебе. Нужно косить, заготавливать дрова, содержать подворье.

– Ничего в этом тяжёлого нет. Справляюсь, живу в достатке.

– И что... тебе совсем ничего не нужно?

– Нет, слава аллаху.

Я удивился. Ко мне со всякого рода просьбами обращались постоянно. А Фарида, кроме как привезти ей пару возов соломы, никогда ни о чём не просила. Говорили, что она и топором, и

молотком неплохо владеет. Сколько лет мы жили в одном селе, а я никогда об этом не задумывался.

В тот вечер мы проговорили долго. Она по-бабы просто принимала всё: и перемены в стране, и безденежье, и скачки цен. «Что бы ни случилось, моя работа от меня не убежит», – говорила она.

Будто целебным бальзамом прикоснулась к израненной душе, от разговора с ней мне стало удивительно покойно и хорошо. И совсем не хотелось покидать её уютный дом.

– А я ведь совсем не знал тебя, Фариды, – сказал я, собираясь уходить.

– Зато я тебя хорошо знаю, – покраснев и склонив голову, произнесла она.

Я ладонями приподнял её лицо и посмотрел в глаза.

– Не надо, Камиль-абый... – обожгла она меня горячим дыханием. – Я ведь не смогу отказать тебе...

Я никогда не изменял Марзие и хотел остаться перед ней чистым. Однако Фариды как будто опутала меня невидимыми нитями.

– Вот такой я, Фариды. Гони меня скорей!

Но она отрицательно качнула головой, а затем неожиданно улыбнулась. И в этой улыбке светились любовь и уважение, восторг и счастье, и ещё что-то необъяснимое. Её улыбка взяла меня в плен и всё решила...

С того дня необоримые силы стали тянуть меня к Фариде. Это не скрылось от бдительных глаз односельчан. Ни слёзы, ни уговоры жены не действовали на меня, я бессовестно оправдывался перед ней, клялся в верности и любви. И в самом деле, Марзия во многом превосходила Фариду и внешне, и... Но тогда моя голова была в каком-то дурмане. Не знаю почему, но Марзия больше сцен не затевала.

Я и сам не понимал, зачем хожу к Фариде. Она всегда была заметно сдержанна ко мне. Не бросалась на шею, будто и не ждала. Даже если я не заходил к ней дней десять, она ни о чём не расспрашивала. Однако в какое бы

время дня или ночи ни являлся к ней, она никогда не выказывала неудовольствия. Удивляло и то, что при встречах на улице, в других местах в её глазах я читал неизменное восхищение, почитание и любовь ко мне. Может, именно это и тянуло меня к Фариде? Много раз я клялся, что не пойду больше к ней, но через некоторое время, не выдержав испытания терпением, опять нарушал свой обет.

Не забыть тот злосчастный мартовский день. Была суббота. В поисках замены заболевшим дояркам я совсем выбился из сил. Пробовал разговаривать с бухгалтерами, медсёстрами, воспитательницами детского сада, библиотекарями, но никого уговорить не удалось. Районное руководство ругало нас за упавшие надои. И когда уж совсем прижало, я зашёл в школьную столовую к Фариде.

– Выручай, у тебя завтра выходной.

– Не сердись, Камиль-абый, не могу...

– Пожалуйста, – взмолился я. – Мы с заведующим фермой совсем с ног сбились. Людей не хватает.

– Делайте что хотите, но я не пойду, – опустив глаза, твёрдо сказала Фариды.

Я долго её уговаривал, а потом вспылал:

– Захочешь жить в деревне, пойдёшь. А если не пойдёшь, то стоимость молока удержим с твоей зарплаты!

Председателю я доложил, что нашёл замену, и в тот же день уехал на лесную делянку валить лес. Вернулся поздно. А на следующий день, давая разнарядку, председатель накинулся на меня:

– Ты обманул, коровы не доены ни вечером, ни утром!

После вчерашнего голова с утра болела, и в сердцах я выпалил:

– Как нищий с протянутой рукой, я целый день уговариваю людей выйти на работу. Думаешь, это просто? Вот иди и сам разговаривай с ними!

Мы разругались. Я написал заявление об увольнении. Председатель вырвал его из моих рук и, разорвав на

мелкие кусочки, бросил мне в лицо. Нас с трудом успокоили. Никогда прежде такого не случалось. Потом я прямоком отправился на ферму в надежде увидеть Фарида. Ан нет... Оказалось, заведующая фермой сама подоила коров. Отправился к Фариде домой. Меня терзали мысли: вроде и не обижал её никогда, почему же она так поступила? А может, устала от меня? Ведь были дни, когда говорил: «Фарида, а ведь мы с тобой совершаем великий грех. Что об этом думаешь?»

– Ты святой, Камиль-абый, а святые не могут грешить, – отвечала она.

С тяжёлыми мыслями я дошёл до дома Фарида. На дверях висел большой замок. Может, ушла в магазин или уехала в соседнюю деревню к своей тётке? Теряясь в догадках, вернулся домой. Во дворе стоял прицеп от трактора, который я привёз для того, чтобы загрузить соломой. Эту работу я поручил Сагадату.

– Это не тяжело и не долго, такому парню, как ты, раз плюнуть.

– Ладно, – согласился сын.

Вернулся снова в правление хозяйства, там на меня в присутствии всех накинута представитель из района Шакиров:

– Бездельники, корма есть, а вы снижаете надои!

Он пригрозил уволить всех. Я взбеленился:

– Думаешь, если ты занимаешь должность зампреда исполкома, тебе всё позволено! Ты ведь даже не знаешь, что такое колхоз, не знаешь, что такое ферма, иди сначала поработай, как мы, а потом будешь учить нас!

Его изрытое оспой лицо покрылось пятнами. Смачно сплюнув, он запрыгнул в свой уазик и укатил.

Размышляя о перепалке, я не забывал о Фариде. Почему она ослушалась? Не пообедав, снова отправился на лесоповал. Вернувшись оттуда, поспешил на ферму. Фарида не было. Пошёл к ней домой. И в этот раз повезло, застал её дома.

– Проходи, Камиль-абый, присаживайся, – как ни в чём не бывало встретила она меня.

– Ты почему не вышла на работу? – спросил я.

– Ясно же сказала, что не выйду...

– Что случилось? До сих пор ты не отказывалась.

– Я не колхозница, имею право.

– Так-то оно так, но раньше ведь слушалась.

Фарида некоторое время стояла молча, а потом сказала:

– Ты больше не приходи ко мне.

В её глазах, до сих пор горящих любовью ко мне, я прочел нечто непонятное.

– Что случилось, обиделась на что-то?

– Нет, не обиделась.

– Но я же не слепой.

Она не ответила. Её ресницы дрожали, губы подёргивались. Она с трудом сдерживалась, чтобы не расплакаться. Но в конце концов не выдержала и разрыдалась. Я стоял в нерешительности, не понимая, что происходит.

– Объясни, Фарида, что случилось? – спросил я, когда она успокоилась.

Она молчала.

– Ты скажешь что-нибудь или будешь молчать! – рассердился я.

– У сына спроси, – промолвила она после продолжительного молчания.

– У кого? – удивился я.

– У Сагадата...

– У Сагадата? А что он такого сделал?

– Он постоянно подкарауливает меня в переулке, выкрикивает: «Ветреная». И убегает. И так продолжается уже две недели.

Она снова зарыдала. Я знал, как тяжело реагирует она на упоминание о её прошлом. Только за одно это слово она в своё время расцарапала одному красавцу всё лицо.

Я ничего не смог сказать в утешение, молча развернулся и ушёл. Не успел я пройти и трёх шагов, как возле меня остановился уазик Шакирова. Он выскочил из машины и заорал на всю улицу:

– Ты ответишь за свои слова! Ты ещё предстанешь перед судом!

– Скажи это своей жене, – стараясь казаться спокойным, ответил я. – Не считай сельчан глупее себя, мы тоже знаем законы.

Сказав это, я твёрдой походкой зашагал домой. Во дворе всё ещё стоял незагруженный соломой прицеп. Рассвирепев, я ворвался в дом. Сына дома не оказалось, я накинулся на жену:

– Почему не загружен прицеп?

– Ещё успеется, не горит же.

– Понятно, это ты позволила своему сыночку сфилонить.

Хлопнув дверь, я выскочил на улицу. Навстречу, с охапкой веток ивняка, шёл Сагадат. Схватив сына за рукав, я подтащил его к тележке.

– Почему не загрузил?! – заорал я в ярости.

Сын впервые видел меня таким. С его лица исчезла улыбка.

– Мы... с мальчиками... – попытался он оправдаться, но я резко оттолкнул его, и он, потеряв равновесие, жёстко опустился спиной на железное крепление прицепа. Шапка упала с его головы, ветки разлетелись в разные стороны... Я увидел, как от боли искривились его губы, как он, цепляясь ослабевшими руками за края прицепа, пытался встать.

Гнев мой мгновенно испарился. Стало до боли жаль сына, стало стыдно за свою несдержанность. Я помог ему подняться, отряхнул снег с одежды, надел шапку.

– Разве от такого лёгкого толчка падают?! – попытался я оправдаться.

Он тихо плакал, потом долго стоял, опираясь рукой о прицеп и потирая поясницу.

– Неужто трудно было загрузить прицеп?... – продолжал я.

– Завтра в школе Касыйм-абый будет учить нас плести корзины. Мы с мальчишками ходили за прутьями...

С трудом передвигая ноги, он взялся за вилы.

– Ладно, сынок, иди в дом, отогрейся, поешь, я сам всё сделаю.

Это неприятное событие вскоре забылось. Я долго корил и ругал себя за то, что поднял руку на Сагадату, но сын не вспоминал происшедшее, по-прежнему тепло относился ко мне.

Прошло полтора года.

По осени убирали картошку. Я копал, а Сагадат с матерью собирали её. Только Сагадат вёл себя как-то странно: немного поработает и присядет на ботву. Сначала мы сослались на присущую его возрасту лень. Но к вечеру Сагадата совсем скрутило. Он побледнел, обесилел, отказался от ужина и, сказав, что просто устал, прилёг в своей комнате. В понедельник, как обычно, отправился в школу. Однако уже к обеду вернулся и без сил упал на свою кровать. Во вторник он ни на что не жаловался. Но через два-три дня ему снова стало плохо.

В медпункте, куда мы его привели, медсестра сказала:

– Температуры нет. Эту неделю пусть походит в школу, побольше дышит свежим воздухом... Но если такое состояние повторится, то придётся обратиться в больницу.

Прогулки по свежему воздуху оказались бесполезны. Мы с ним отправились в районную больницу. Увидев анализ крови, врач грустно покачал головой и оставил его в стационаре. А через неделю мы получили направление в онкологическую клинику для обследования. На следующий же день мы отправились в Казань.

Не дай бог, кому-то оказаться в этой клинике. В коридорах огромные очереди, в которых стоят люди с отрешёнными бледными лицами... Нашего бедного сына проверяли и перепроверяли при помощи каких-то аппаратов, делали анализы крови, заставляли глотать зонд, и для прохождения каждой такой процедуры уходило по полдня...

Наконец я оказался в кабинете профессора. Разговор с ним не забуду до конца своих дней. Профессор, тяжело вздохнув, сказал:

– У вашего сына серьёзное заболевание.

– Какое заболевание?

– Злокачественная опухоль... И стадия нехорошая.

Я покачнулся, белоснежные стены кабинета потемнели.

Спустя время я пришёл в себя.

Профессор продолжил:

– Молодой организм может ещё и справиться. Необходимо немедленно начать лечение. Сегодня в палате освобождается место.

После раздумий он спросил:

– Ваш сын никогда не падал с высоты?

– Нет, не припомню, – ответил я.

– Предпосылкой для возникновения такой опухоли может стать какой-то сильный ушиб. И такой ушиб ваш сын получил не в детстве, а всего лишь два-три года назад, если не ошибаюсь.

Я тут же вспомнил, как толкнул сына в тот злополучный день, и он упал на железное крепление прицепа...

Ни жив ни мёртв, как пьяный, стоял я, покачиваясь на ватных ногах.

– Подождите, – сказал профессор. Он протянул мне какое-то лекарство и стакан с водой. – Выпейте, потом посидите минуты две-три. Сын должен видеть вас спокойным.

Через некоторое время я вместе с профессором вышел к сыну. Доктор потрепал его по голове:

– Без лечения не обойтись, у вас в районе нет здешних возможностей. Придётся тебе остаться у нас, – мягко резюмировал он.

Сагадат смотрел на него широко раскрытыми глазами. Профессор ласково прикоснулся к его плечу, затем скрылся у себя в кабинете.

– Нет, я не хочу оставаться здесь, я хочу домой, – прошептал он. – А чем я болен?

– Для особых беспокойств нет причин, сынок. У тебя изменился чутко состав крови...

– Тогда почему меня не направят на лечение в нашу районную больницу?

– У нас нет необходимого оборудования, таких, как здесь, врачей-специалистов. Если останешься и начнёшь

лечение, то к осенним каникулам будешь дома.

Сын задумался. Он неузнаваемо изменился. В глазах застыла печаль, уголки губ скорбно опустились. Но мои слова всё-таки дошли до его сознания, и он подчинился.

– А ты останешься со мной? – вдруг спросил он.

– Наверное, не разрешат. Ведь ты уже взрослый парень.

Сагадат промолчал. В гардеробе его переодели в больничную одежду и проводили в палату.

– Сынок, я скоро вернусь, пойду куплю тебе всё необходимое, – сказал я вдогонку.

Купив туалетные принадлежности, несколько книг, фруктов с ягодами, ещё кое-что, поплёлся я обратно в клинику. Неуклюже шлёпая больничными тапочками, Сагадат предстал передо мной.

– В какую палату положили? – спросил я.

– В девятую, – ответил он бесцветным голосом.

– А сколько вас там?

– Пятеро взрослых, я и ещё один мальчик.

– Тогда тебе скучно не будет.

– Ему уже сделали операцию...

Мы ещё немного поговорили.

– Ну ладно, Соловушка, лечись. Будем навещать тебя, – бодро сказал я, приобняв его.

– Успокой там маму, – ответил он и пошёл к своей палате.

– До скорого возвращения, – помахал я вслед.

Но Соловушке не суждено было скоро вернуться домой. Настала зима, прошли новогодние праздники, пришла весна. Это только сказать просто. А мы с Марзией за это время постарели лет на двадцать. Мы оставляли часть своей души у сына каждый раз, когда навещали его в казанской клинике. А может, напротив – увозили с собой частицу его израненного сердца, кто знает?

На небесах весеннего вечера зажглись первые звёзды. Только мороз-

ный свет их казался мне ядовито-жёлтым. Я с трудом притащил свою бездушную оболочку тела домой. Сагадат спал.

— Когда заснул? — спросил я у жены.

— Совсем недавно.

Стараясь не шуметь, попили чай. В этом доме уже давно установилось звенящее безмолвие, причиной которой была Фарида. Я так и не смог прекратить наши отношения, изредка, но мы встречались.

Ночью Сагадат проснулся и до утра не мог заснуть, стонал от нестерпимой боли. Готовые исполнить любое его желание, мы сидели у изголовья, поправляя то подушку, то одеяло, давая лекарства, но ничего не помогало...

Утром, весь разбитый, отправился я на работу. Марзия осталась дома. Она оформила себе отпуск.

Шло время. Состояние сына ухудшалось. Но иногда наступало облегчение, у него поднималось настроение. В такие дни мы чувствовали себя бесконечно счастливыми, в душе пробуждались лучики надежды. Но для этого, увы, как выяснялось, не было оснований. Злокачественная опухоль проникла своими смертельными щупальцами во все клетки его организма. Он ещё больше похудел, волосы сына стали выпадать клочьями.

В хозяйстве скотину перевели на летние выпасы, все облегчённо вздохнули, и я попросил день отдыха. Нужно было поработать в саду, разрыхлить и внести удобрение в почву под плодовые деревья. Марзия отправилась в районный центр за покупками. Сагадата навестили одноклассники, приходил директор школы Зиннур Гарипович. Они разговаривали долго.

— В следующем учебном году ты сможешь закончить сразу и седьмой и восьмой классы, — обнадёжил он сына. — Продолжишь учёбу со своими одноклассниками.

Я зашёл домой:

— Сынок, тебе ничего не нужно?

— Нет, папа, — ответил он. И добавил:

— Я тебя, наверное, совсем замучил.

— Что ты говоришь! — возразил я

живо и, желая взбодрить сына, сказал: — Вот выздоровеешь, купим тебе мотоцикл. Будешь ездить на мотоцикле в гости к своей бабушке.

— Как бы она порадовалась моим гостинцам!..

Он улыбнулся, только улыбка быстро исчезла.

— Папа, — сказал он потухшим голосом. — А умирать страшно?

Земля ушла из-под моих ног. Слушалось то, чего я так боялся. И вот этот страшный, пугающий всё моё существо вопрос прозвучал.

— Какая смерть? О чём ты говоришь?..

Но мой вопрос на вопрос не имел никакого значения. Сагадат даже не пошевелился. Из его губ, еле слышно, как шелест травы, прозвучало лишь:

— Тогда... когда всё произойдёт, ты не отходи от меня, папа, ладно? Я боюсь оставаться один...

Как ни было мне тяжело, я выдержанно произнёс:

— Не надо об этом... Всё будет хорошо.

Сагадат, не поворачивая головы, посмотрел на меня:

— Ты только держи меня за руку.

Он закрыл глаза, его лицо передёрнулось от боли, но он не застонал. И когда снова открыл глаза, то они были полны слёз. Сагадат взглядом нашёл меня, а потом зашептал:

— Папа, я ведь всё знаю... не мучайся и не кори себя...

О Господи! Сколько времени я жил надеждой, что сын ни о чём не догадывается.

Сагадат продолжил:

— Я с самого начала обо всём знал... Спасибо, что привёз домой... И сейчас, когда мы вместе, я уже ничего не боюсь.

Ночью ему снова стало плохо, временами он забывался. Его дыхание учащалось, он терял сознание.

К утру он стал задыхаться, всё его тело покрылось холодным потом. Марзия сбегала за медсестрой. Прошло какое-то время, Сагадат остановил на мне свой бегающий от боли взгляд.

– Не плачь, папа, – прошептал он.

Я быстро утёр слёзы. Он продолжил:

– У меня уже всё равно не было другого пути...

– Какого другого?

– Я же приготовил для себя верёвку. Там, в домике в саду... Ведь меня вся школа дразнила «ветреным»...

О боже! О моё дитя! Я ведь, оказывается, уже давным-давно убил тебя! Как же ты всё это выдерживал?!

– Ребят на селе называли «ёжиками». Я так хотел, чтобы и меня так кликали. Но нет, всё время дразнили «ветреным».

– Сынок, я туда больше ни ногой, всё давно кончилось...

– Да, конечно...

В горле моём пересохло. Хотел за водой сходить, но меня остановил голос сына.

– Папа! – прошептал он. – Возьми меня за руку...

Он не смог даже приподнять свою, лёгкую, как высохшая веточка. Я взял её, влажную и слегка дрожавшую, в свои ладони.

– Я боюсь её, папа, не оставляй меня одного, – часто дыша, проговорил он.

– Не бойся сынок, никого тут нет, – попытался я успокоить сына.

– Знаю, но держи меня за руку. Боюсь один... Она ведь уже рядом...

После укола Сагадат уснул и тихо проспал до вечера. А когда солнце скло-

нилось к закату, проснулся. Он окинул взглядом всех – родственников, соседей, собравшихся возле него. Взгляд старшего сына остановился на братишке, который стоял рядом. Сагадат, попытался улыбнуться, но не смог.

– Только не бейте Рустама, – чуть слышно прошептал он.

Этот еле внятный шёпот громом прогремел в моих ушах. Значит, он понимал, от чего умирает. И ведь не сказал: «Папа, не бей!», а общё и щадяще: «Не бейте»...

Мне захотелось тут же на месте умереть. В груди остро кольнуло, перед глазами поплыло всё... Пришёл в себя в другой комнате, на диване. Голова всё ещё кружилась, но сердце отпустило. Марзия принесла воды, я спросил, что с Сагадатом.

– Так же всё... – тихо ответила она.

«Значит, ещё жив, Соловушко мой», – промелькнул в голове. Я должен исполнить последнюю его просьбу. Он ждёт меня. Я быстро встал и вошёл в его комнату. Он лежал на спине, устремив неподвижный взгляд в потолок. Не замечал раньше, что у него такие большие глаза. Я наклонился к нему и взял его холодную, как лёд, руку.

– Сынок, это я, твой папа, узнаёшь?

Он повёл чуть-чуть глазами. В мертвенно бледных губах его прошелестело:

– Спасибо, папа...

*Перевод Алсу Зиятдиновой,
Ахата Мушинского*

